

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЯ — НЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ

К истории вопроса

Исправим имена, как завещал Конфуций

Что такое национал-демократия?

Самое краткое определение, по моему: это демократия для своих. Или демократия, ограниченная по национальному признаку.

Кто такие свои? А это как посмотреть. Поскольку демократия есть общественное устройство, то масштабом измерения является все общество в целом. А здесь подходы к определению «свой — чужой» бывают разные. Для одних свои — это только соплеменники, для других — только сограждане, для третьих — совокупность граждан и подданных, т.е. все население страны, для четвертых — население плюс равноправные с ним приезжие. Недоговоренности и путаница в данном вопросе часто отрицательно сказываются в политике¹.

Для национал-демократов в разной мере приемлемы первые два ответа, но не более того.

Однако неплохо бы для начала определиться с самим термином «демократия», ибо и она бывает очень разной: либеральной, консенсуальной, национальной и т.д. (Замечательно пошутил когда-то грузинский вор в законе Джаба Иоселиани, ставший в годы перестройки видным политиком в своей стране: «Демократия — это вам не лобио кушать!»)

На Западе, например, либеральная демократия, с ее акцентом на права личности и индивидуализм, обернулась в конце концов диктатурой различных меньшинств: социальных, сексуальных, религиозных, национальных и пр., которые правят бал и определяют правила поведения для всех большинств. Что, в конечном счете, представляется совершенно противоестественным, противоречащим самому понятию демократии как «власти народа», то есть — большинства.

Недалеко ушла от либеральной и консенсуальная демократия, требующая полного согласования требований всех общественных групп — классов, сословий, корпораций, этносов... Рекламируя себя как общество социальной гармонии, такая демократия на деле есть недостижимая утопия, чье существование либо нереально, либо эфемерно как минутный компромисс в условиях временного равновесия сил.

На этом фоне национальная демократия представляется меньшим из зол. Однако здесь необходимо попутно разобраться и с понятием нации. Потому что национальная демократия, в моем изложении, зиждется на таком понимании нации, которое сложилось в современной России у наиболее продвинутых юристов-цивилистов и этнополитиков². Чтобы избежать обиль-

¹ Примером дурного истолкования оппозиции «свой — чужой» являются думские законы о «соотечественниках».

² Подробному освещению термина «нация» посвящена, в частности, моя книга «Этнос и нация» (М.: Книжный мир, 2008), где все

ного цитирования, приведу только одно, но весьма авторитетное мнение петербургских ученых, обобщивших в специальной монографии наиболее актуальную и выверенную позицию³. Оль и Ромашов обоснованно пришли к выводу, что нация есть не только «сложная этносоциальная общность», но и «специфический коллективный субъект права», который «может выступать только как общественное образование с формально-юридически закрепленным статусом. При этом неотъемлемым ее свойством, позволяющим выступать в качестве самостоятельного субъекта межнациональных и национально-государственных отношений, регулируемых правом, является национальный суверенитет, обладание которым является основанием правосубъектности национального образования»⁴.

Очень ясно и понятно: есть суверенитет у этносоциальной общности — значит, перед нами нация. Нет такого суверенитета — значит, и статуса нации у данной общности нет.

Логично, четко и понятно и дальнейшее рассуждение. Вопрос: в чем и как проявляется национальный суверенитет? Ответ: «Государство является основной политико-правовой формой реализации нацией своей правосубъектности, и в этом смысле нация может рассматриваться как государствообразующий этнос»⁵. Таким образом, тож-

распространенные дефиниции подвергаются критическому анализу в целом и по частям.

³ Оль П.А., Ромашов Р.А. *Нация* (Генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб.: Изд-во Юридического ин-та, 2002.

⁴ Оль П.А., Ромашов Р.А. Указ соч. С. 4.

⁵ Там же. С. 5. Это не только личная точка зрения авторов. Они указывают: «Большинство отечественных юристов придерживаются точки зрения, что государственный суверенитет — это неотъемлемый признак, качество, свойство любого государства: “нет суверенитета — нет государства”» (Там же. С. 59).

ество суверенитета и государственности, а также государствообразующего этноса и нации представляется юридически безупречным. Что и требовалось доказать.

Итак: нация есть такая фаза развития этноса, в которой он обретает свой суверенитет, выражающийся в собственной государственности.

И — более краткое, но равнозначное определение: **нация — это государствообразующий этнос.** Из такого понимания я предложил бы исходить всем участникам националистического дискурса во всех последующих текстах, чтобы избежать ужасающего разногласия, неразберихи и наивной самодеятельности, которыми грешат даже т.н. корифеи национализма.

Исходя из приведенных дефиниций, легко продвинуться к пониманию смысла термина «**национал-демократия**»: **это демократия, действующая в рамках нации** (см. выше). Подчеркну еще и еще раз: *нация* в данном понимании есть *этнонация* и ничто иное.

Казалось бы, все просто, доступно и неопровержимо. Однако такое определение, хотя и безупречное по содержанию и смыслу, не является, увы, единственным. Чтобы облегчить читателю понимание предмета, дам кратчайший терминологический обзор.

Вспомним старое

Национал-демократия — давнее и вполне расхожее выражение у историков и политологов. Достаточно взять любой серьезный словарь почтенного возраста, чтобы в этом убедиться.

«Историческая энциклопедия», например, говорит: «Национальная демократия, государство национальной демократии, — одна из возможных форм политической и общественной организации стран, освободившихся от колониальной зависимости»⁶.

⁶ Советская историческая энциклопедия: В 16 т. М.: Советская энциклопедия, 1961–1976. Т. 10. С. 35.

«Философская энциклопедия» углубляет это понятие: «Национальной демократии государство — государство переходного характера, возникающее в процессе национально-освободительной революции в современную эпоху и опирающееся на классовый союз движущих сил этой революции; форма государственного развития стран, завоевавших политическую независимость в результате распада колониальной системы империализма, которая обеспечивает дальнейшее развертывание, углубление и доведение до конца национально-освободительной революции»⁷.

Не только общедоступные источники развивали указанную тему и термин еще тридцать с лишним лет тому назад в нашей стране. Философы и обществоведы того времени посвящали им даже специальные исследования, например: Б. Пономарев. О государстве национальной демократии («Коммунист», 1961, № 8), Д. Чесноков. О государстве национальной демократии («Политическое самообразование», 1961, № 6), А. Соболев. Национальная демократия — путь к социальному прогрессу («Путь к миру и социализму», 1963, № 2), Программа КПСС (Принята XXII съездом КПСС, М., 1965. С. 44–51) и т.п.

Нетрудно заметить, что вышеприведенные определения по большому счету не противоречат нашей националистической концепции национал-демократии: идеи русской национально-освободительной революции, разрыва с очевидно колониальной экзистенцией современной России, надклассового союза всех русских людей — все это однозначно входит в современную националистическую парадигму. Но есть и ряд существенных идеологических отличий.

Во-первых, политологи советско-

го периода полагали, естественно, что национальная демократия есть состояние, переходное... к *социалистической* общественной формации, но с этим трудно согласиться даже в теории, а уж историческая практика и вовсе полностью опровергла на сегодня такие предположения. Достаточно бросить даже беглый взгляд на примеры тех стран и общественных организаций, за которыми в науке закреплен термин национальной демократии, чтобы в этом убедиться: Национально-демократическая партия Польши (1897–1945), Национально-демократическая партия Чехословакии (1918–1934), Национально-демократическая партия Ирака (1946–1961), Национально-демократический фронт Сальвадора (1979). Можно также вспомнить про т. н. Национально-демократическую революцию в Алжире (1954–1962). Резюме — на ладони: победа национал-демократии нигде не привела к социализму, а победа социализма нигде не означала торжества национал-демократии.

Во-вторых, понимание нации в данных источниках отнюдь не совпадает с понятием этнонации, а скорее восходит к западному осмыслению понятия нации как государства, отраженному, в частности, в наименовании Организации Объединенных *Наций* (ООН), под которым на деле подразумевается организация объединенных *государств*. Но это вообще популярная аберрация, характерная для всех, кто поддается обаянию западного обществознания с его лексическим хаосом.

Сказанного достаточно, чтобы перейти к важному теоретическому моменту и разъяснить несовместимость общественных идеалов национал-демократии и социализма (в том числе национал-социализма).

Национализм против социализма

Что такое социализм?

В настоящее время Интернет забит самодеятельными попытками пере-

⁷ Философская энциклопедия: В 5 т. М.: Советская энциклопедия, 1960–1970. Т. 4. С. 8.

определить это понятие. Все они гроша ломаного не стоят, поскольку являются чистой воды умозрением. Единственный источник, который я готов считать авторитетным в данном вопросе, есть «Большая советская энциклопедия», в которой обобщен не только самым тщательным образом дистиллированный за семьдесят лет смысл понятия⁸, но и опыт единственного в мире чистого эксперимента по практическому воплощению социалистического идеала в жизнь. Чем дальше, тем больше мы понимаем, что никакого другого социализма миру увидеть уже не суждено, а значит, никакому другому определению социализма уже не грозит историческая верификация. Эксперимент кончился, и другого, судя по всему, не будет. Каким он был в СССР, таким социализм и останется навсегда в памяти человечества.

Итак, БСЭ: «Социализм — первая фаза коммунистической формации. Экономическую основу С. составляет общественная собственность на средства производства, политическую основу — власть трудящихся масс при руководящей роли рабочего класса во главе с марксистско-ленинской партией; С. — общественный строй, исключая эксплуатацию человека человеком и планомерно развивающийся в интересах повышения благосостояния народа и всестороннего развития каждого члена общества».

Я предлагаю читателям, не мудрствуя лукаво, руководствоваться именно данным определением, выверенным теорией и практикой единственного настоящего, бескомпромиссного, эта-

лонного, хотя и экспериментального, социалистического государства. Все остальные терминологические потуги — не более чем безответственная болтовня и провокация, блуждание в трех соснах.

Но необходимо сделать важное разъяснение, хорошо понятное всем русскоязычным. Вроде бы на первый взгляд социализм предполагает демократию: власть масс. Однако тут же введено и ограничение: не просто масс (т.е. народа), а масс трудящихся. Под трудящимися же в нашей стране с конца XIX и до конца XX века традиционно понимались исключительно люди физического труда: рабочие и крестьяне. Собственно, СССР почти всю свою историю так себя и позиционировал — как первое в мире государство именно и только рабочих и крестьян. Трудовую интеллигенцию, долгое время щеголявшую в ранге некоей невразумительной «прослойки», в эту приличную компанию допустили только на излете Советской власти, весьма неохотно, а книжка добавилась к серпу и молоту в коммунистическую символику и вовсе после буржуазной революции 1991–1993 гг., стараниями Зюганова. Ну, а других классов и сословий в СССР не было и даже не предполагалось, поскольку развитие строя мыслилось в направлении к вовсе бесклассовому коммунистическому обществу.

Вот и получается, что социализм есть не что иное, как социал-демократия, то есть — **демократия, ограниченная по социальному признаку.** (Здесь не место рассуждениям о том, чем был реальный, он же «развитой», социализм на деле.)

Гарантией такого ограничения является основополагающий признак социализма: **общественная собственность на средства производства.** Ибо тем самым исключается даже самая возможность присутствия в составе народа частных собственников, предпринимателей (купцов и промышленников,

⁸ Напомню, что в течение долгих десятилетий «неправильное» понимание социализма в СССР, в том числе в научной среде, было чревато последствиями, опаснейшими не только для карьеры и репутации, но прямо-таки для свободы и жизни. Выверялись страха ради иудейска каждая буква, каждый знак! Таким образом, не доверять БСЭ нет никаких оснований.

проще говоря), которых при социализме ни у кого язык не повернулся бы причислить к «трудящимся массам», единственно достойным властвовать. Их причисляли к эксплуататорам, что в значительной мере справедливо.

Но нация, которую недаром не хотели признавать столпы социалистического учения⁹ (Ленин, например, прямо говорил: нация-де — это буржуазные выдумки), — это не только рабочие и крестьяне. И даже если пристегнуть к ним интеллигенцию — это еще не нация.

Нация — это *все вместе* представители единого государствообразующего этноса, все классы и сословия. Причем — что очень важно! — все вместе, не то чтобы без разделения на эксплуататоров и эксплуатируемых, но через полное игнорирование данного разделения, как в 1613 году.

Как мы отлично знаем (мне приходилось об этом писать подробно)¹⁰, классовая солидарность не просто не сочетается с солидарностью национальной, но и антагонистически ей противостоит, противоречит. Поэтому сказанного уже достаточно, чтобы видеть со всей очевидностью: национал-демократия и социал-демократия (социализм) есть не просто очень разные, но взаимоисключающие вещи.

Но я предлагаю пойти в размышлениях дальше.

Национальная элита за демократию

У демократии любого толка есть, согласно никем не опровергнутому Аристотелю, два антагониста: автократия и олигархия. Оставим олигархию в стороне как традиционно несостоя-

тельный в России образ правления, никогда не поднимавшийся в своем значении выше временного паллиатива. Рассмотрим альтернативу «демократия — автократия» с точки зрения русского национализма.

Национализм, как известно, — есть феномен: действенная любовь к своему этносу и/или инстинкт самосохранения народа. Такова формула, выкристаллизованная современным русским движением, принятая и утвержденная на круглом столе с участием всех основных сил РНОД¹¹, который проходил 7 марта 2007 г. в московском Доме журналиста на тему «Что такое национализм. Определение национализма».

Однако, если перевести это понятие с языка инстинктов и аффектов, доступного всем слоям населения, на язык рассудка, теории, то мы обнаружим интересную вещь: теоретический национализм как мировоззрение есть прерогатива элиты. Более того, национализм есть своеобразный критерий, по которому можно безошибочно отделить подлинную национальную элиту от квазиэлиты. Возьмите представителя английской, немецкой, японской, китайской, еврейской и т.д. элиты — перед вами непременно окажется, соответственно, английский, немецкий, японский, китайский, еврейский националист. Самым естественным образом. И напротив: английская, немецкая, японская, китайская, еврейская и т.д. элита обязательно отторгнет, не примет к себе претендента, как бы ни

⁹ См. об этом: *Севастьянов А.Н.* Национализм против социализма // Русский строй: Сб. М.: Интеллект, 1997; *Его же.* Нужен ли русским национал-социализм? // Ты для нации — нация для тебя: Сб. М., 2002.

¹⁰ *Севастьянов Александр.* Диалектика социального и национального. К постановке вопроса // Вопросы национализма. 2010. № 1.

¹¹ Популярная аббревиатура: Русское национально-освободительное движение. Первоначально относилась к реальной организации, созданной в 1994 году А.М. Аратовым, но вскоре по причине ее бездействия, с одной стороны, и заметного подъема русского национализма по всей стране — с другой, преодолев первоначальные лексические рамки, а также неоднократные попытки присвоения со стороны различных структур, сегодня уверенно соотносится со всем русским движением в целом.

был он богат и знатен, если он не националист своей нации. Он останется изгоем.

Нужна ли национальной и националистической элите автократия (монарх, президент)? Ни в коей мере. Разве только на переходный период, как в России 1990-х годов. А в действительности, по большому счету, национальной элите нужна власть верхних классов (в основе ее пресловутый «союз ума и капитала»), как раз чтобы упразднить автократию, с одной стороны, а социализм — с другой. Естественная логика такова: если мы представители верхов — значит, мы республиканцы, на самый крайний случай — конституционные монархисты.

Почему умным и богатым нужна демократия, а не автократия? Потому что они сами не глупее автократора и не видят причин подчиняться его решениям. Тем более если автократор еще вчера был одним из них, таким же, что уж и вовсе нестерпимо.

Национальной элите нужна демократия, это самоочевидно, но — цензовая: по достатку, уму и национальности. Почему она должна быть цензовой?

Потому что, во-первых, управление не есть дело каждого; во-вторых, как показывает история, народ не может сам собой управлять, он нуждается в управлении со стороны профессионалов; в-третьих, стоит только допустить к управлению инородцев — и прости-прощай суверенитет нации, а с ним и суверенитет национальной элиты.

Демократия, однако, нужна не только элите, но и всей нации в целом. Потому что если простой народ вообще не будет допущен к власти, вообще будет лишен рычагов воздействия на нее, то дело кончится плохо: элита сожрет свой возлюбленный народ — и нации не будет. (Что, кстати, сейчас в автократической России и происходит.) Впрочем, верно и обратное: передай ВСЮ власть простому народу — он с азартом уничтожит свою

элику и останется, образно говоря, без головы, что мы, русские, испытали на себе в полной мере. Нужен баланс, сопрягающий классовые интересы, а это лучше всего обеспечивается разумным демократическим устройством.

Именно такой разновидностью цензовой и одновременно общенародной демократии является национал-демократия. Идеалом которой, на мой взгляд, является жестко этнократический республиканский Рим с его нетленной по совершенству формулой: «Сенат и народ правят Римом».

Следует напомнить, что Древний Рим был поистине правовым государством, в котором Закон стоял надо всем и вся¹². Законы издавал сенат, таким образом законодательная власть являлась наивысшей в республике, и осуществляла эту власть именно национальная элита того времени (минимальное число сенаторов в первоначальном варианте было 100 человек, а накануне падения республики это число достигало 900). Однако у сената в руках была сосредоточена отнюдь не вся полнота власти; ее ограничивали, во-первых, народные собрания (комиции), во-вторых — плебисцит, а в-третьих — народные трибуны, обладавшие правом вето. Таким образом, была достигнута максимально возможная классовая, а с ней — и национальная солидарность римлян.

При этом республиканская демократия Рима была в самом точном смысле национал-демократией, поскольку права римского гражданина почти до самого конца республики не распространялись даже (!) на всех прочих италиков, не говоря уж о галлах,

¹² Даже диктатуру Суллы сенат предварительно ввел специальным законом, без этого победоносный полководец не захотел присваивать соответствующие полномочия. И тот же Сулла снял их с себя за два года до смерти, желая остаться в памяти потомков человеком, восставшим, а не поправшим римское право.

иберах и других покоренных народах. А вот нарушение гениального баланса классовых интересов, консолидировавшего нацию, а также раздача италикам гражданских прав в ущерб строгой этнократии привели в итоге к гражданским войнам и последующей диктатуре Суллы, а за ней — к установлению режима императорской власти. А уж этот режим стал прологом к гибели Рима как такового. Сравнивая республиканский период правления в Риме с императорским, Александр Пушкин метко заметил: «Свободой Рим возрос, а рабством погублен» («Лицинию»).

(Замечу в скобках, что первообразец демократии — Афины — также носил ярко выраженный национальный характер, ибо исключал из своего действия рабов, составлявших до 75% населения и являвшихся в основном представителями побежденных этносов и/или захваченных в плен инородцев¹³.)

Впрочем, на мой взгляд, к благородному древу древнеримского этнического республиканизма не мешало бы привить управленческий шедевр XX века: партократию. В России должна быть правящая партия, а именно партия русских националистов. Но по характеру правления стране следует все же быть республикой парламентского типа. О юридической попытке осуществить такую прививку (проекте новой Конституции русского государства) я расскажу в конце статьи.

Вот, вкратце, кому, зачем и почему нужна национал-демократия, а также почему она предпочтительнее национал-социализма.

У истоков русской национально-демократической идеи

Как формировался национал-демократический дискурс в современной России? Какими организациями пропагандировался и развивался?

Порой приходится с изумлением слышать о том, что-де актуальный русский национализм народился едва ли не пять лет назад. Не знаю, чем объяснить подобное заблуждение, разве что принципиальным и яростным нежеланием знать собственную историю. Моя задача — внести некоторую ясность в этот вопрос.

Впрочем, канву начальных событий наметил Валерий Сумин в предыдущем номере «Вопросов национализма»¹⁴. Он писал:

«Другим следствием публикации в “Независимой” статьи “Национал-капитализм” [Севастьянова] стало знакомство автора с Сергеем Васильевичем Городниковым, физиком из Грозного, который жил литературным творчеством, но увлекся политологией (в том же 1994 году вышла его брошюра “Историческое предназначение русского национализма”). Городников разыскал Севастьянова и предложил сформировать кружок единомышленников, куда поначалу входил математик, доцент химфака МГУ Вадим Александрович Колосов, а чуть позже присоединился Виктор Владимирович Давыдов, в то время директор газеты “Русская Правда”, учрежденной А.М. Аратовым.

Именно на этих встречах конца 1994 — начала 1995 года (не раньше, не позже) впервые примерялся и обкатывался новый для русского движения лозунг “национал-демократии”. Это отразилось в практически одновременном учреждении Колосовым — журнала “Национальная демократия” (№ 1 — июль–август 1995), Давыдовым — “Национальной газеты” (№ 1 подписан в печать 03.06.95) и выпуске Севастьяновым сборника своих статей под общим названием “Национал-демократия” (сдан в набор 09.01.96)».

¹⁴ Сумин Валерий. Документы национального единения. К истории современного русского движения // Вопросы национализма. 2010. № 1.

¹³ Валлон Анри. История рабства в античном мире. Смоленск, 2005.

В данной связи я как непосредственный участник событий вынужден уточнить исторические детали. Неприятная сторона моей миссии обусловлена тем, что национал-демократический дискурс как наиболее авангардный, привлекательный и многообещающий (Гегель недаром выдвигал принцип неодолимости нового), не успев родиться, уже не раз становился поводом для игры самолюбий и борьбы за приоритет, доходящей до несимпатичных распрей. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь, правду истории не спрячешь, взялся за повесть о национализме и националистах — приходится рассказать и об этом.

К примеру, в «Национальной газете» № 2 за 1999 год была опубликована беседа корреспондента Константина Морошкина с председателем Центрального комитета Русского солидаристского движения (РСД) Артуром Ястребовым под свежим названием «Есть такая партия!». Она начиналась так.

К.М.: Артур Иванович, что собой представляет Русское Солидаристское Движение и когда оно было создано?

А.Я.: Учредительный съезд межрегиональной общественной организации РСД прошел 29 мая 1998 года в МГУ. Это была точка отсчета в деятельности русского социально-национального движения нового типа, каким является РСД. Наше появление было сразу замечено «компетентными органами». Еще до первого съезда мы приняли активнейшее участие во всероссийской акции студенческого протеста 14 апреля и были там самой заметной политической силой. После этого нами открыто заинтересовались.

К.М.: К чему в общих чертах сводится ваша идеология?

А.Я.: Солидаризм является идеологией, последовательно воплощающий в себе идеи истинного национализма, истинной демократии и истинного социализма. Мы исходим из того, что одно без другого невозможно. Национализм, выдвигающий на первый

план нацию, исходящий из подчинения государства нуждам нации, возможен только при республиканском устройстве общества и государства.

К.М.: Речь идет о национальной демократии?

А.Я.: Да. Никакая другая попросту невозможна. Если люди объединяются на чисто материалистической основе, то всегда будет иметь место плутократия, олигархия, но не демократия. Мы видим это на примере современного «общества потребления» Запада. Общество прочно только тогда, когда в его основе лежит национальная общность. Как, например, в Японии. В то же время национальное государство наиболее устойчиво, если это республика, опирающаяся на национальное большинство, но и не притесняющая несправедливо национальные меньшинства. Империи и апартеиды в конечном счете обречены на разложение. Они неконкурентоспособны».

Сегодня можно смело резюмировать, что почин РСД не имел сколько-нибудь серьезного развития, и данная организация не стала лидером русского движения, «рассосавшись» сама собой. Но тогда ее появление встревожило некоторых «старослужащих» РНОД, и в скором времени я как главред «Националки» получил гневное «Заявление» от Национал-демократической партии, которое также опубликовал, сопроводив редакционной отповедью. В заявлении, в частности, говорилось:

«Национальная газета» № 2 (23) за 1999 г. поместила интервью с Председателем Центрального Комитета Русского Солидаристского Движения неким А.И. Ястребовым, в котором последний нагло и цинично объявил о своем первенстве и эксклюзивном праве на российской политической сцене на некоторые принципы и идеологемы национал-демократической доктрины <...>

Национал-демократическая партия заявляет:

Мы не потерпим наглого и циничного воровства нашей идеологии, веду-

щего к ее искажению и дискредитации как идеи и самого термина “национальная демократия”.

Все, кто желает развивать и претворять в жизнь национал-демократическую доктрину, могут и должны это делать в рамках Национал-демократической партии, где каждому предоставляется право высказывать и продвигать собственные идеи и где существует широкий плюрализм мнений <...>

Всякие попытки распространять и пропагандировать идеи национальной демократии и национальной реформации вне Национал-демократической партии будут пресекаться и подавляться всеми имеющимися в распоряжении партии средствами (а они у нее имеются)...» («Национальная газета». 1999. № 5).

Сегодня столь же смело можно подытожить, что и НДП не стала не только лидером, но и вообще хоть сколько-нибудь заметной силой в русском движении, что делает несколько комичным вышеприведенный текст. Но уже само ее название обязывает все же сказать несколько слов об этой партии.

Первая ласточка

Не слишком достоверных сведений и на этот счет имеется уже немало. В частности, сайт «Антикомпромат» небезызвестного грантоеда Владимира Прибыловского в предшествующих НДП числит некое Национал-демократическое социальное движение (НДСД), сообщая, что это-де «националистическая группа, существовавшая в 1995–97 гг. (Сергей Городников — лидер; Вадим Колосов, Виктор Давыдов, А. Лобков, Александр Севастьянов) <...> Группа подчеркивала свой «национал-капиталистический» характер. Первое упоминание о НДСД содержится в 1-м номере «Национальной газеты» за 1995 г. в статье С.В. Городникова «Наша миссия — Национальная Реформация», где упоминается «формирующееся политическое дви-

жение, Национально-демократическое социальное Движение России, которое сознает себя авангардным движением, единственным интеллектуально готовым проводить тотальную подготовку перерастания нашей буржуазной революции в революцию Национальную, в Национальную Реформацию, — не признает никаких иных политических партий, считает их бессмысленными и исторически обреченными». Еще одно упоминание — в том же номере НацГ в статье В. Колосова «Демократия как способ выживания для нордических народов» («Есть такая партия! Это Национально-Демократическая Социальная партия. Эта партия стала центром, вокруг которого кристаллизуется русское национал-демократическое движение»).

Должен пояснить, что к подготовке первых четырех номеров «Националки», где своими, пока бесплотными, мечтами делились некоторые члены редакции, не имел никакого отношения автор этих строк, а к последующей работе газеты, возглавленной мною с 1997 года, не имели, в свою очередь, никакого отношения все названные фигуранты. Соответственно, не был я никогда участником ни НДСД, ни вполне мифической, существовавшей лишь в воображении энтузиаста НДСП. Не скрою, меня приглашали в НДП, но я отказался вступать, не видя у партии перспектив; не вступил в нее также ни В.А. Колосов, ни близкий по своим национал-капиталистическим воззрениям П.М. Хомяков. Между тем, если верить сайту Прибыловского, я побывал не только во всех названных структурах, но еще и в объединении «Золотой лев», якобы расщепившемся впоследствии на одноименный журнал (главред А.Н. Савельев), Лигу защиты национального достояния (председатель А.Н. Севастьянов) и вышеупомянутую НДП. Это тоже неправда.

Приведенные поправки сделаны мною не в порядке занимательной политической гельминтологии, как выра-

зился бы Валерий Соловей, а исключительно ради того, чтобы предостеречь читателя от чрезмерного доверия к трудам «всезнающих», но недобросовестных грантоедов, слыжавших звон...

Итак, об НДП, созданной в конце 1997 г. Сергеем Городниковым, Александром Лобковым и Александром Елисеевым и зарегистрированной в марте 1998 г. в Минюсте как региональная организация Москвы и Московской области (локомотивом регистрации НДП был Андрей Савельев).

Программа НДП, вполне доступная на соответствующем сайте, гласит: «Национал-демократическая партия — есть политическая организация, ведущая борьбу за становление русского национального среднего класса и русской постиндустриальной цивилизации. Необходимым условием для перехода к созиданию русской постиндустриальной цивилизации является развитие национального демократического самоуправления связанных с производительными силами средних слоев горожан, преобразование этих слоев в политический средний класс. Национальное демократическое самоуправление станет возможным только после политического управления процессами становления городского политического общества, то есть нации, осуществляемого национал-демократической партией посредством государственной власти национального государства» (<http://www.ndpart.ru/>).

Не ставя себе задачи критического анализа Программы, обращаю лишь внимание на странное, мягко говоря, трактование нации, не имеющей, по видимому, ничего общего с этнонацией. А также на усиленное мушкетирование темы среднего класса, унаследованное впоследствии программой НОРНА профессора Хомякова¹⁵. Имеет ли Программа НДП какое-либо отношение к

национал-демократическому дискурсу, пусть судят другие, но мой долг засвидетельствовать, что это программа самой первой формальной организации национал-демократического толка, к тому же поднимающая проблему создания национального государства.

Как можно узнать из аутентической справки «10 лет русской национал-демократической партии!», «регистрацию подготовила творческая работа по поиску политической идеологии русского национализма, которая началась после выхода в свет в 1994 году книги С. Городникова “Историческое предназначение русского национализма”. Для связи программных и концептуальных положений данной книги с текущей политической практикой и для налаживания соответствующей пропаганды несколькими единомышленниками была зарегистрирована и начала издаваться “Национальная газета”... Ее первый номер был подписан в печать 3 июня 1995 года. С того дня и пошел отсчет истории русской национал-демократии, которая была заявлена в программной статье С. Городникова и поддержана статьей В. Колосова <...> Главные теоретические и программные положения нового для России идейного и идеологического течения излагались в четырех номерах “Национальной газеты”. Газета привлекла ряд активных людей из молодежи и людей среднего возраста»¹⁶.

Здесь уместен комментарий. Разговор о том, какое содержание имели упомянутые начатки национально-демократического дискурса, у нас еще впереди. Пока же должен заметить объективно, что сперва его ростки были слабы и незаметны.

Первые два года после регистрации «Национальная газета» едва влачила существование¹⁷. Позже, в 1999 г., мне

¹⁶ <http://www.globpolitika.narod.ru/10-let-ndp.html>

¹⁷ В 1995–1996 гг. вышло всего четыре выпуска, формата А3 от 4 до 8 полос каж-

¹⁵ Подробную критику данной программы см.: серия статей Александра Севастьянова о НОРНЕ на сайте АПН.

пришлось писать в связи с попыткой пиратского выпуска «Националки» ее бывшими первопечатниками: «За те два года, пока газета была у них в руках (с июня 1995 по февраль 1997 Лобков был главным редактором, Городников — основным автором), они сумели подготовить и выпустить аж... четыре номера. Основной проблемой, не позволявшей делать это чаще, являлась катастрофическая нехватка материала: настолько, что они могли себе позволить занимать драгоценную газетную площадь беллетристической г-на Городникова в стиле “фэнтези”. Полный непрофессионализм и оторванность как от источников информации, так и от читателя неуклонно вели газету в бесславие»¹⁸. Понимая это, учредитель газеты Виктор Давыдов предложил мне возглавить работу редакции, что я и сделал.

Разумеется, попытка «бывших» выпустить пиратскую «Националку» провалилась, как и попытка Владимира Потанина зарегистрировать большую одноименную газету. После этого «облома» они стали выпускать мини-газету «Национальная республика» в качестве идейного рупора НДП (с 1999 по 2002 год выпущено 8 номеров, см. www.n-r.narod.ru).

О национально-демократических инициативах в РНОД

Все эти мелкие подробности «просрошего вглубь себя существованья»

дый, объявленным тиражом 25 000 экз. (реальный тираж не более 1000 экз.) В период 1997–2007 гг. реальный тираж поднимался до 12 000, а объем до 24 полос. Газету читали не только в Госдуме, в Совете Федерации, в министерствах и других высоких инстанциях, но, что гораздо важнее, в ста пятидесяти с лишним (судя по географии подписки и читательских писем) городах всего бывшего СССР, а также в дальнем зарубежье: Нью-Йорке, Париже и др.

¹⁸ *Севастьянов А.* Осторожно: подлог! // Национальная газета. 1999. № 5.

(Пасенюк) не так уж существенны. Но, во-первых, это какая-никакая, а история национальной демократии в нашей России. А во-вторых, уже в этой микроскопической субстанции можно разглядеть принципиальный конфликт, который имеет непреходящее значение как на микро-, так и на макроуровне общественной жизни. Что имеется в виду? Об этом вновь повествует уже цитированная справка НДП о самой себе:

«При обсуждении вопросов долгосрочных целей и способов борьбы произошел идейный раскол. Наибольшая часть наших молодых соратников были убежденными национал-социалистами и хотели видеть в русской национал-демократии вид обновленного немецкого нацизма. Мы же доказывали, что это тупиковый путь, и подлинная национал-демократия опирается на среду мелкой и средней буржуазии, которой в России пока нет, которая в России только-только зарождается. И мы должны стать ее передовым и перспективным идейным, а затем политическим авангардом... Мы боролись за осознанный поворот русского национализма к становлению в России современного капитализма с политическим господством среднего класса и отказывались мириться с представлениями о социализме в любой его форме, как не имеющем дальнейшей исторической перспективы течением политической мысли <...>

В это время [с 1999 по 2002 г.] снова обострилось идейное противоборство между сторонниками двух течений. С одной стороны, апологетов превращения русской национал-демократической партии почти в точную копию национал-демократической партии Германии, заявляющей о себе как о прямой наследнице национал-социалистической рабочей партии Германии. И с другой стороны, решительными последователями понимания национализма и демократии как политического отражения миропонимания

и интересов мелкой и средней буржуазии, а национал-демократической партии как партии русского национального среднего класса. После дефолта в августе 1998 года в обстановке резкого обострения кризиса режима либеральных воров и спекулянтов, когда активизировались народные патриоты и национал-патриоты с лозунгами возврата к социализму в том или ином виде, идейный раскол внутри НДП приобрел принципиальный характер, и в 2000 году молодая организация распалась на две <...>

Нам же, тем, кто сплотился вокруг газеты «Национальная Республика», удалось удержать и сохранить ядро товарищей, вести пропаганду и идейную борьбу за национальную демократию, как политическую диктатуру средних имущественных слоев русских собственников. Нам пришлось ждать, пока внутренний ход буржуазно-демократической революции в России не привел к появлению среды русской мелкой и средней буржуазии. И вот теперь ход истории доказал нашу правоту. Национал-социализм в России полностью потерял какое-нибудь значение, а национал-демократические настроения в последний год превращаются в главные среди русских националистов».

Очень важное признание.

Комментируя эти строки, я прежде всего должен вновь и вновь заострить внимание читателя на абсолютной реальности водораздела: национал-демократия и национал-социализм «есть вещи несовместные». Напомню, что в очередной раз этот факт проявился совсем недавно, при широком обсуждении «Семнадцати новых вопросов русскому националисту» Павла Данилина¹⁹. Можно смело предположить, что указанное расхождение

будет прогрессировать по мере углубления системного кризиса в России, внося раскол и даже взаимную вражду в русское движение. Чему каждый разумный националист должен противодействовать по мере сил.

К сожалению, я никак не могу согласиться с тем, что национал-социализм сдал позиции. Пожалуй, наоборот, пока что это мейнстрим, с каждым годом (по мере обнищания масс, роста безработицы, пауперизма, техногенных катастроф, социальной напряженности и т. п.) набирающий множество сторонников в низовых, социально деффективных стратах общества. Но это лишь одна сторона вопроса.

С другой стороны, я полностью разделяю тезис о заметном дрейфе всего русского движения в сторону национал-демократии. Причем вызван этот дрейф осознанием (наконец-то!) лидерами националистов необходимости идейно завоевать и перетянуть на свою сторону, причем в массовых масштабах, верхние общественные страты: интеллигенцию и предпринимателей, в первую очередь. Ибо будущее всецело зависит от них.

Эта важнейшая задача, решению которой я посвятил уже самые первые свои политические книги «Национал-капитализм» (1995) и «Национал-демократия» (1996), в последние годы становится общепризнанной. В качестве примеров, помимо вышеупомянутого РСД, можно привести такие факты:

1) попытку бывшего депутата Законодательного собрания Санкт-Петербурга Сергея Гуляева и заместителя председателя московского «Яблока» Алексея Навального создать в 2007 г. движение «Народ» (принимаящий участие в его создании Станислав Белковский провозгласил его «демократически-националистическим», но инициатива к настоящему времени заглохла);

2) декларацию о политической ориентации на национал-демократию, про-

¹⁹ См. об этом: *Севастьянов Александр*. Семнадцать мгновений истины, или Наш ответ Данилину // Наш современник. 2009. № 10.

звучавшую на 5-летнем юбилее Движения против нелегальной иммиграции из уст его лидера Александра Белова, которая для посвященных сулила перепрофилирование ДПНИ в партию соответствующего толка (инициатива была развита на печально знаменитой конференции 8 июня 2008 г. совместно с «Народом» и «Великой Россией», но так и не сбылась);

3) прошедшую летом 2008 г. партконференцию о возможном переименовании Национально-Державной партии России в Национально-демократическую партию России, с сохранением аббревиатуры (инициатива не сбылась);

4) довольно дружное выступление идеологов национально-демократического лагеря в ответ на вышеупомянутые вопросы Павла Данилина в 2009 году;

5) в последний год большую активность на национал-демократическом поле развивает беглый профессор Петр Хомяков через аффилированные с ним структуры: сайт Академии национальной победы (АНП) и сайт Национально-демократического альянса (НДА), о котором кто-то из заинтересованных лиц уже льстиво возвестил в Интернете: «Что-то существенное здесь [в РНОД] стало меняться лишь в последние годы, с возникновением национально-демократического движения, вдохновленного поэтом Алексеем Широпаевым». Смех и грех, право! Но кто знает, может, профаны и клонут на эту наживку...

Тенденция налицо. В «справке НДП» по данному поводу есть совершенно беспомощные и горькие, но и, увы, совершенно справедливые строки:

«На волне подъема данных настроений появились публицисты и некоторые политические деятели, которые ярко и талантливо убеждают всех, мол, национал-демократия в России только-только зарождается и пока не имеет идеологического и организационного выражения. Примером чему стали декларация группы “НАРОД” и претен-

дующие на программные положения заявления ДПНИ. К сожалению, все это проявление свойственного многим русским активистам от политики невежества!»

Да, это все так, бедолаги совершенно правы. Поймем же и простим обиду тех, кто, выйдя в путь одним из первых, был обогнан на этом пути более молодыми, шустрými и беззастенчивыми ходоками. Но... несмотря на то, что НДП так и осталась в истории карликовой партией, никогда не имевшей никакого влияния ни на развитие идеи национал-демократии в России, ни на процесс РНОД, мы не должны забыть об этой не сделавшей весны ласточке. Ведь нынешнее широкое обращение термина состоялось благодаря их почину и усилиям. Пусть НДП войдет в учебник истории русского народа...

Завершить рассказ о ней мне хочется знаменитыми строками:

Не говори с тоской: *их нет!*,
Но с благодарностью: *были!*

Что же касается других попыток конвертировать идею национал-демократии в политическую или квазиполитическую структуру, то здесь я позволю себе процитировать свой ответ НДП 1999 года, адресовав его на сей раз гораздо более широкому кругу:

«Никому не возбраняется сколько угодно восклицать: “Есть такая партия!” Но вынужден ответственно заявить: *исключительно права представлять русский народ и его интересы никто пока не заслужил*, как бы кому ни мечталось <...>

Будь я так же скромнен и просвещен, как авторы послания, я бы заявил, пожалуй, что, сам будучи главным идеологом русской национал-демократии, не потерплю, чтобы мои идеи и доктрины “дискредитировались”, “растаскивались” и “профанировались”. Но я стараюсь не следовать дурным примерам <...>

Предложу добрый совет активистам любых партий.

Желание видеть свою организацию самой лучшей, стремление дать ей подбавляющую рекламу — вполне естественно. Но для этого в наше время мало подходят агрессивные приемы Кинг-Конга, гордо и воинственно бьющего себя в грудь с криком: «Я — лучший! Я — первый! Я — главный!». Это еще могло пройти лет пять назад где-нибудь в Урюпинске. Сегодня уровень аудитории выше подобных приемов.

Тем более бессмысленно расходовать для достижения приоритета сразу «все имеющиеся в распоряжении партии средства». Достаточно всего лишь одного: *интеллектуального и морального превосходства*. Если оно есть, конечно»²⁰.

Мне кажется, этот совет не утратил актуальности.

Инкунабулы русской национал-демократии

Но что же в ранний период РНОД понимали под национал-демократией? Какие идеи изначально вкладывались в это понятие? Представление об этом дают три источника (прямо как у классиков!): публикации С. Городникова, В. Колосова и А. Севастьянова.

1. Городников

Хотя та же НДП заявила как-то, что национал-демократическое движение у нас началось в 1993 году, но, насколько мне известно, никаких манифестов, заявлений и тому подобных печатных, публичных агитационно-пропагандистских документов, серьезно и осмысленно предлагающих или развивающих концепцию русской национал-демократии, в том году не выходило. Написанный же Городниковым летом того года текст «Историческое предназначение русского

национализма»²¹ никакой национал-демократической теории не содержит. Там речь идет в основном о пользе капитализма, его созидательной силе, о необходимости капиталистической модернизации экономики России и националистической модернизации ее политики, о внутренней нерасторжимой связи этих необходимостей, о неизбежности национальной революции, стоящей в России на очереди после революции буржуазной:

«Чем сложнее был уровень мирового производства, тем обостреннее вставали проблемы качества народа, личности, соответствия культуры нации требованиям промышленного производства, промышленного прогресса, требованиям конкурентоспособности. В этом и заключается причина неизбежности установления диктатуры промышленного интереса как интереса государственного с периодом доминирования радикально националистической идеологии, расового и национального превосходства, исключительности. Без такого периода диктата национализма во внутренней политике поднять качество общества на требуемый мировым производством уровень оказывается невозможным. Вся мировая практика доказала это. Поэтому буржуазные преобразования в России не могут быть завершенными, не приведут к выходу из тупика до тех пор, пока буржуазная революция не перерастет в революцию национальную, начальный этап которой и есть диктатура радикального национализма. Более того, чем позже в историческом аспекте происходила буржуазная революция, чем выше при этом был уровень мировых производства и технологий, тем более жестким и жестоко требовательным должен был оказаться режим радикального национализма для подготовки прорыва нации в лидеры

²⁰ Севастьянов А. О камнях из стеклянного дома, или Урок китайского // Национальная газета. 1999. № 5.

²¹ Городников Сергей. Историческое предназначение русского национализма. М.: Русское слово, 1994.

общественной, социальной, государственной дисциплины и самодисциплины, которая немыслима, невозможна без обостренного национального самосознания, без национальной общественной самоорганизации»²².

(Ограничусь данной цитатой, хотя те же мысли неоднократно прописываются и аргументируются в брошюре. Отмечу только, что по мнению Городникова, «в России предстоящий режим национального спасения будет круче, нежели были режимы национал-социализма в Германии или шовинистического милитаризма в Японии. Это неизбежно, ибо государство исторически великое погибнуть не может!»²³.)

Читателю понятно, почему, как только в «Независимой газете» появилась моя статья «Национал-капитализм», где я требовал расстаться с колониальным капитализмом и установить диктатуру национального капитала, Городников усмотрел во мне единомышленника и постарался разыскать. Ведь мы, не сговариваясь, сделали важный и верный, хотя и шокирующий тогдашнее общество вывод.

Далее, Городников критикует наследие феодализма в экономике и политике бывшего СССР (да и вообще в мире) и предсказывает России националистической великую роль всемирного освободителя от этого наследия:

«Именно азиатско-кавказский культурно-психологический феодализм, в какие бы внешние одежды он ни рядился, разваливает экономику России, не дает развиваться ее промышленности, долгие десятилетия, веками мешает развиваться нормальной торговле в азиатском направлении. Именно феодализм стал ближайшим союзником коммерческого интереса у нас, не позволяет углублять буржуазные реформы, демократию, способствует инфляции, экономическому хаосу и развалу. Демократические процессы, реформы

остановить уже невозможно, но их провалы, провалы неизбежные извратят всю систему общественных, экономических отношений России, обострят все противоречия до такой степени, что приход к власти русского радикального, воинственного национализма станет единственным политическим выходом из исторического тупика, и по этой причине, при тонкой и умной дипломатии, здравомыслящий и активной, будет поддержан большинством политических ответственно мыслящих сил в цивилизованном мире. Если только не станет по глупости правительственных сил угрозой для их жизненных интересов.

Русский национализм призван разрушить и выместить в историческое небытие феодализм и дофеодалное варварство на огромной части материковой Евразии, тем самым толкнуть весь евроазиатский континент к качественно новому витку прогресса. В этом и только в этом будет его историческое оправдание с позиций внешних сил мировой цивилизации, более того, историческое предназначение и величие. После периода русского радикального национализма у власти в России, после окончательного подрыва позиций феодализма и остатков варварства в Евразии все человечество выйдет в новую эпоху своего развития, и прогресс пойдет невиданными еще темпами»²⁴.

О национал-демократии в брошюре нет ни слова, и самый термин этот не употребляется. Надо напомнить, что в первой половине 1990-х годов понятие «демократия» для национал-патриота было крайне скомпрометировано: нестерпимо резало слух, отдавало гайдари-чубайсовской мерзостью, смердело ельцинизмом. Тем не менее Городников прозорливо ставил целью, например, «вырваться к демократии и процветанию», «упрочение экономики и демократии». Он верно излагал до-

²² Указ. соч. С. 13.

²³ Там же.

²⁴ Указ. соч. С. 15.

статочно общеизвестные истины: «Да, Россия без рыночно организованной экономики погибнет. Да, рыночная экономика не может работать без демократии, и чем разумнее структурирование демократия, тем энергичнее работает рынок» и смело постулировал: «Демократия же нужна России как воздух, лишь она способна раскрепостить физические и духовные, моральные силы русского народа, поставить под его контроль деяния власти, заставить ее бояться в первую очередь собственный народ, а не внешние силы, и потому активно защищать в первую очередь наши национальные интересы».

Таким образом, Городников, трубадур национального промышленного капитала, восходил шаг за шагом к концепции диктатуры этого самого капитала, которая, как ни парадоксально, должна была обеспечивать демократию и сама обеспечивалась демократией! Такова была логика его «основополагающей» работы:

«Создание собственно жизнеспособной нации в условиях интеграции в мировую экономику и будет важнейшей внутривнутриполитической задачей русского национализма, когда он придет к власти. И не следует бояться, стыдиться этого русским патриотам. История не знает ни одной великой нации, интегрирующей созидательной нации, которая бы не прошла через ту или иную государственно-политическую форму крайнего национализма, фашизма. Ни одной! Хотелось бы напомнить, что концентрационные лагеря за колючей проволокой изобрела и создала великая Британская демократия, в самый расцвет этой демократии, во время англо-бурской войны. Можно было бы упомянуть и первый известный автору пример применения демократией принципа чистоты крови, согласно Плутарху имевший место в Древней Греции, в Афинах, в самый расцвет афинской демократии, когда напуганные социальной дестабилизацией общественно-

политической жизни афиняне большинством голосов приняли закон, согласно которому каждый, кто не мог представить доказательств, что является гражданином Афин в третьем поколении по обеим линиям, лишался прав гражданства. На основании этого закона почти треть афинян была лишена этих прав и продана в рабство. Подобные примеры можно приводить и приводить»²⁵.

Как видим, здесь Городников весьма близко подходит к идее национальной демократии, хотя и не формулирует ее. В статье «Наша миссия — Национальная Реформация» в первом выпуске «Национальной газеты» (статья трактуется им как рубежная) он также избегает разъяснений на сей счет. Мы не только не узнаем от него, что такое национал-демократия, но и получаем довольно туманные понятия о некоей «капиталистической нации», которую должна создать национальная реформация. Суммируя свои взгляды, Городников пишет здесь весьма общо:

«Пока Россия не пройдет через режим авторитарной диктатуры русского национализма, задачей которого будет проведение Национальной Реформации, создания русской нации как особо организованного и эгоцентричного общества с качественно новой этикой, культурой, социальной психологией, — пока Россия не пройдет через этот исторически обусловленный этап, кризис будет углубляться, инфляция нарастать, а политическая база нынешнего режима устойчиво сужаться».

И заканчивает характерным парадоксом:

«Позже Россия вернется к парламентаризму, но сейчас стране нужна не парламентская демократия, а только и только демократия национальная, нужна военно-политическая диктатура национальной демократии».

Как видим, весьма решительные призывы несколько не разъясняют

²⁵ Указ. соч. С. 44.

читателю, что же это за зверь такой: национальная демократия. Возможно, именно непрописанность опорного понятия Городниковым и привела к тому, что его рецепт остался не востребован, а болезни нашего общества только усугубились.

Попутно замечу, что третий автор, убежденно разрабатывавший в те же годы параллельно с Городниковым и Севастьяновым идеи национал-капитализма (он это называл «национал-прогрессизмом» и «национализмом без социализма»), был профессор Петр Михайлович Хомяков, о чем, впрочем, подробнее уже написал Валерий Сумин. Сегодня Хомяков не случайно встал на позиции национальной демократии. Это не только политический расчет, но и закономерный итог развития, который выпал всем нам.

2. Севастьянов

Здесь пора автору, объективности ради, представить и свой скромный вклад в развитие дискурса.

Переход на позиции национал-демократии для меня так же, как и для Городникова, был обусловлен ясным осознанием неизбежности и спасительной необходимости национал-капитализма. Этот термин впервые появился в моей статье «Русские и капитализм», написанной в 1991 году и опубликованной в журнале «Дон» (1992. № 3–4).

В те времена я, как и многие, косо смотрел на ту демократию, которую принес с собой ельцинский режим, и писал, что российская интеллигенция оказалась расколота «на две четко очерченные группы: интеллектуалов-“демократов” и “патриотов”». И стремился стать над схваткой: «Причина же их идейной несостоятельности, на мой взгляд, бросается в глаза: интеллектуалы-“демократы” слишком явно не хватает патриотизма, а “патриотам” — интеллекта, то есть знаний и ясного, немистифицированного ума».

Обосновывая закономерность повторного утверждения капитализма в России, я уточнял границы идейного водораздела: «Постольку, поскольку “демократы” выступают за частную собственность, за капиталистическое развитие, я — с ними. Но постольку, поскольку они против русских национальных приоритетов — я против “демократов”. И напротив: все, что говорят “патриоты” о наших национальных бедах и потерях, о необходимости возродиться с новыми силами к новой жизни, — принимаю всей душой. Но когда под видом “новой жизни” они пытаются всучить народу ветошь — то ли “православие, самодержавие, народность”, то ли “социализм” — киплю негодованием на этих слепых поводырях».

Почему я столь непримиримо относился к социализму, в коем возрос? Именно поэтому: «Социализм — интернационалистичен. Это мы испытали на своей шкуре. Но и интернационализм — социалистичен, то есть самоубийствен: это предстоит испытать странам христианской демократии» (как в воду смотрел). Именно связка «социализм—интернационализм» оказалась в прицеле моей критики, что характерно.

Я понимал, что нужно найти и проложить средний путь, который примирил бы русский патриотизм (тогда я пользовался таким эвфемизмом, «национализм» утвердился позднее) с ценностями безальтернативного капиталистического варианта развития России. В итоге родилась формула: «Каждый, кто сегодня мечтает о возрождении России как великой страны и русских как великого народа, должен сегодня умом и всей душой принять, а всеми силами — проводить в жизнь ясный и здоровый лозунг: НАЦИОНАЛ-КАПИТАЛИЗМ».

В качестве механизма я предлагал «союз ума и капитала», то есть создание Союза русских промышленников и торговцев, опираясь на капиталы ко-

торого Русская национальная партия «поведет борьбу за русские приоритеты политическими средствами».

Спустя два года, 11 октября 1994 г., отшлифовав и развив высказанные в этой ранней статье идеи, я выступил со страниц «Независимой» — главной газеты всей российской интеллигенции — со скандальной статьей «Национал-капитализм», заглавный термин которой с тех самых пор пошел гулять по стране. И процесс синтеза национал-демократической парадигмы начался.

Как видит читатель, в ранних работах, написанных нами до 1995 г., тема национал-демократии еще не звучала. Но силою вещей восхождение к ней было неизбежно, поскольку единственный строй, при котором национал-капитализм может благоденствовать (и в то же время единственный строй, существование которого обеспечено исключительно национал-капитализмом) есть именно и только национал-демократия.

Впрочем, я шел к национально-демократическим убеждениям не только через пропаганду национал-капитализма, но еще и через свои многолетние изыскания по истории интеллигенции. Неудивительно поэтому, что самое первое развернутое и аргументированное манифестирование национал-демократии было сделано именно мною и именно на конференции «Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII–XX вв.)», проведенной в Омском государственном университете 29 ноября 1995 г. Мой доклад назывался «Интеллигенция, вперед!». В нем я апеллировал к аудитории, которую считал наиболее прогрессивной и политически продуктивной («Интеллигенция — новый лидер общества, новый класс-гегемон. Не считаться с ним, причем в первую очередь с ним, нельзя»), и ставил задачу:

«Новое объективное положение интеллигенции влечет за собой изменение традиционного политического поведе-

ния интеллигенции, ставит перед ней новые политические задачи. В первую очередь, таких задач две:

1. выработка классового сознания интеллигенции;

2. формирование классового сознания у интеллигентских масс».

Я недвусмысленно постулировал:

«Буржуазно-демократическая революция, провалившаяся в России в начале века и состоявшаяся на наших глазах под видом “перестройки” и последующих событий, — есть дело рук интеллигенции, результат реализации ее классовых надежд, инстинктов и стремлений. Это была в прямом смысле слова первая в мире интеллигентская революция, реванш интеллигенции за поражение в революции и Гражданской войне 1917–1921 годов».

А далее все логически вытекало одно из другого:

«Вот контуры общеинтеллигентской идеологии, которые я хотел бы предложить для осмысления и обсуждения.

На первом месте — два аспекта идеологии:

а) социально-политический.

б) национально-политический.

Если говорить о социально-политическом идеале интеллигенции, наиболее соответствующем ее интересам, то это, несомненно, буржуазная демократия... Потому, что буржуазная демократия есть со всех точек зрения оптимальная среда обитания интеллигенции. В чем причина этого?

Во-первых, для интеллигенции демократические свободы — слова, печати, собраний и т.д. — это *условие sine qua non* ее нормального, полноценного существования и функционирования. Как верно писал еще К. Каутский, оружие интеллигента — «это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы». Надо ли

говорить о том, что фундаментом для демократических свобод может быть только многообразие форм собственности? Это ясно и самоочевидно.

Во-вторых, возможность открыть свое частное дело — педагогическое, врачебное, издательское и т. д. — это важный и для многих интеллигентов желанный путь реализации своего творческого и энергичного потенциала. Это прямой путь к материальной независимости, а от нее и к независимости духовной...

В-третьих. Многообразие форм собственности создает тот рынок, на котором интеллигент может продать свою голову, свои знания, свой труд по максимальной цене. Он получает свободу маневра. Когда-то Ленин едко издевался над интеллигенцией, которая ищет только, кому бы продаться, писал о зависимости интеллигента от “золотого мешка”. Чем заменила эту зависимость КПСС? Зависимостью во сто раз более подлой и унижительной — зависимостью от партийного функционера. В развитом буржуазно-демократическом обществе, где действуют многообразные частные, общественные и государственные институты, у интеллигента нет и не может быть столь унижительной и однозначной зависимости.

В-четвертых. Все перечисленные выше позитивные для интеллигента моменты, присущие буржуазной демократии, предоставляют оптимальные возможности для самореализации. Но этого мало. Уже и сама эта адекватная и свободная самореализация выводит интеллигента на иной общественный уровень, дает ему иной статус, превращает его из скромного и зависимого служащего — в жреца, в брахмана. Из объекта политики он становится ее важнейшим субъектом. Многократно возрастает как эффективность его труда, так и его вес в обществе.

Наконец, *в-пятых*, интеллигент просто не может не видеть, не пони-

мать экономических преимуществ капитализма.

Сказанного достаточно, чтобы сформулировать два основополагающих принципа интеллигентской социально-политической идеологии:

- 1) капитализм,
- 2) демократия.

Тут меня могут прервать и спросить: “Г-н Севастьянов, зачем вы ломитесь в открытую дверь? Выгляньте в окно: тут вам и капитализм, тут вам и демократия”.

Да, капитализм. Но не тот. Да, демократия. Но не та. И нашему капитализму, и нашей демократии не хватает одного: национальных приоритетов. *Российских и русских приоритетов.*

Мы могли бы иметь национальный капитализм, подобный тому, который существует в Японии, в Германии, тому, который строят сегодня Китай и Вьетнам. Вместо этого мы получили колониальный капитализм и таковую же демократию. (Каков базис, такова и надстройка.)

Что касается базиса, тут достаточно взглянуть на структуру экспорта-импорта и на курс рубля — и все вопросы отпадут. Но и надстройка хороша: посмотрите, что свобода слова и печати принесла на страницы газет, на волны эфира, на экраны телевизоров и кино! Идет тотальная война против наших национальных интересов и идеалов, идет безудержная пропаганда несвоих форм и норм жизни.

Нет, такого капитализма и такой демократии нам не надо!

Поэтому я позволю себе трансформировать обозначенные выше лозунги в новые, соответствующие нашей ситуации:

- 1) национал-капитализм,
- 2) национал-демократия».

Вот, собственно, и все. Слово сказано — и сказано кому следовало.

Правда, я честно признавался:

«Не могу подробнее сейчас расшифровать и термин “национал-демократия”. Думаю, что многие из

присутствующих и сами бы охотно приняли участие в такой расшифровке. Этой теме посвящены некоторые мои последние статьи, я продолжаю над ней работать. Могу пока лишь заметить, что необходимость ограничения, в интересах нации, некоторых демократических установлений бросается в глаза. Это касается, например, свободы печати и информации в той части, в которой от безграничной свободы терпит ущерб душевное, духовное и физическое здоровье общества. Пропаганда насилия, гомосексуализма, наркотиков, порнографии должны быть запрещены. Как мне кажется, должны быть внесены изменения и в избирательное право. Следует увеличить возрастной ценз избирателей: до 25 лет человек, как правило, еще слишком незрел, чтобы определять пути развития государства (в древних Афинах, этой колыбели демократии, право голоса имели только свободные мужчины старше 30 лет). Не следует избирать граждан, не имеющих детей, — это понятно. И, безусловно, должны быть лишены избирательного права представители наций, имеющих собственную государственность за пределами России: пусть едут в свою Грузию, Курдистан, Туркмению или Азербайджан и решают там судьбу своей, а не нашей страны».

То есть, несмотря на то что национал-демократическая доктрина в России еще ни в коей мере не была разработана, в моем выступлении уже четко была заявлена установка на ограничение демократических прав и свобод по национальному принципу. *Quod erat demonstrandum...* Если добавить к этому присущий моим работам яркий антисоциалистический пафос, то можно без ложной скромности сказать, что твердые основы упомянутой доктрины были тем самым заложены.

Омское выступление вошло как передовая статья в мой сборник «Национал-демократия» (1996) и стало достоянием широкой публики.

3. Колосов

Справедливость требует решения вопроса о приоритете: кто же первым не просто вякнул почти наугад «Даешь национал-демократию!», но попытался хотя бы чуть-чуть внести ясность в это понятие.

Человеком, на моей памяти осуществившим такую попытку, был Вадим Александрович Колосов, создавший всероссийский историко-культурный и общественно-политический журнал «Национальная демократия» (№ 1 — июль-август 1995, вышло всего два номера). В выходных данных указывалось: «Орган русского национально-демократического движения. Учредитель — главный редактор Вадим Колосов. Редакционный комитет: Аналитический центр “Национальная демократия”». На обложке красовалось «знамя Святослава» со львом и девиз «Наше время пришло!». Тираж значился 10 000 экз. (объявленная цифра раз в пятьдесят превышала реальную). «Основные темы номера: Гражданское общество в России — путь к Русскому Национальному Государству. Глобальный исторический процесс и истоки Русской Традиции: Мегалитическая цивилизация — Венецы — Крестьянская религия». Сразу замечу: независимо от заявки, перед нами — почти моножурнал, в котором абсолютно все определялось не мифическим «редакционным комитетом», а исключительно волей самого Колосова. Который, кстати, в обоих вышедших номерах охотно печатал меня, не входившего ни в РНДД, ни в комитет, но не печатал члена того и другого Городникова, считая его изрядным бредотворцем.

К моменту выхода первого номера мы все в большей или меньшей степени уже прониклись идеалом национальной демократии, но именно Колосов первым попробовал изложить этот идеал на бумаге в передовой статье. Получилось вот что:

«НАЦИОНАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ — ИДЕОЛОГИЯ БУДУЩЕГО РОССИИ

Наш журнал является рупором русского национально-демократического движения — политической силы, которая поставила своей целью управление процессом формирования русской нации. На страницах этого журнала будут представлены все фрагменты идеологии будущего: от конкретных политических проектов до эзотерики. Мы осознаем, что поставленная цель неизбежно приводит нас к глобальным (и даже эсхатологическим) проблемам. Ведь русская нация (если она сложится) будет претендовать только на такое положение в мире, которое обеспечит ей глобальное управление и планирование в очень широких (из соображений легальности не будем уточнять, каких) масштабах. Так что в нашем журнале будет представлена и историософия, и геополитика, и символика, и антропология.

Для нашей страны сейчас заканчивается целая эпоха — псевдоимперский период развития. После трех веков жизни в интернационалистической империи русские вдруг оказались в новой реальности — в мононациональном государстве, государстве, состоящем из русских почти на 9/10. Это — великая удача! Немного найдется народов в мире, достигших такого. Удача состоит в том, что мы получили объективные условия для перехода в новое состояние: мы можем из народа превратиться в нацию. Все наши нынешние неудачи, беды и унижения — пустяки по сравнению с этой великой целью, ибо эта цель — новый шаг эволюции общества, по значимости равный переходу к оседлой жизни или созданию городской цивилизации. По сравнению с народом нация представляет собой качественно более высокоорганизованный организм (как многоклеточное существо по сравнению с колонией простейших)...

Мы живем в мононациональном государстве (русских — 87%), но мы

живем не в русском национальном государстве. Смотрите, как интересно получается: русских в Эстонии и Латвии более трети населения, в Казахстане русских больше, чем казахов, однако Эстония, Латвия и Казахстан — это национальные государства эстонцев, латышей и казахов. Нам нужно брать пример с этих прогрессивных народов! Первым шагом в деле создания нации должно стать строительство национального государства русских. Это дело будет тем оселком, на котором будут оттачиваться русский национализм, корпоративность, взаимная поддержка и самоидентификация. Отметим однако, что главная цель — создание нации, а не государства...

Правые нас часто спрашивают: «Какие же вы националисты, если стоите за демократическое общественное устройство?» Отвечаем: в современном мире только демократия может стать тем фильтром, который остановит вторжение южан во все сферы общественной жизни! Современная демократия требует от членов общества высокой степени цивилизованности и опыта городской жизни, которые есть у русских и отсутствуют у неруси. Правильно организованное демократическое общество — идеальная система для систематического подъема вверх индивидуумов со сложными моделями поведения и опускания вниз примитивов. Неприязнь к демократии — признак полного непонимания происходящих процессов» (с. 1).

Сегодня, по прошествии полутора десятка лет, имея опыт множества дискуссий, не могу не восхититься глубиной мысли, дальновидности и точности формулировок ученого-математика. И нельзя не пожалеть, что университетские власти поставили перед ним ультиматум, заставивший отказать от политической будущности.

Конечно, к сказанному им можно многое добавить (и это, разумеется, было сделано за пятнадцать-то лет).

Но вот убавлять я бы сегодня не стал ничего, а это дорогого стоит.

Итак, констатирую: безусловно, приоритетная заявка на основополагание национал-демократического дискурса в России осуществлена Вадимом Колосовым летом 1995 года.

Резюме

Подведем итог: что же такое национал-демократия по-русски?

В области идеологии это учение, противостоящее, с одной стороны, национал-социализму, а с другой — автократизму независимо от вида автократии (монархия, президентская республика и т. д.) с позиций этнократического республиканизма.

В области политики это такое государственное устройство, которое допускает все формы собственности на средства производства (но не на природные ресурсы), признает разделение властей при главенстве власти законодательной, имеет республиканскую форму правления, соблюдает основные права и свободы не только гражданина, но и нации (государствообразующего народа), однако гражданство при этом принадлежит только корен-

ным народам страны и приобретает по праву рождения, как в Германии, Израиле и др.

В области экономики национал-демократия базируется на национал-капитализме и является его высшей функцией и одновременно высшей санкцией.

Главный документ современного русского национально-демократического движения, разъясняющий все эти вещи до последней тонкости, — это проект Конституции России, разработанный Лигой защиты национального достоинства в 1997 г. и с тех пор неоднократно опубликованный и обсуждавшийся. Ибо он коротко и ясно, в понятных всем четких и недвусмысленных юридических формулировках разъясняет любому желающему суть Русского национально-демократического государства. Этим документом увенчался первый период развития национал-демократического дискурса, зародившийся при описанных выше обстоятельствах. Приложением к нему служит пакет разработок, касающихся построения русского национального государства.

Но об этом проекте подробнее будет рассказано в свое время.